

Доктор Роберт С. Ньюман, Синоптические Евангелия,

Лекция 15 Редакция Критика

© 2024 Роберт Ньюман и Тед Хильдебрандт

Хорошо, тогда мы перейдем к критике редакции. Что такое критика редакции? Ну, нам нужно рассмотреть некоторые определения. Редакция, это деятельность редактора.

Это поднимает вопрос о том, кто такой редактор. Ну, мы могли бы сказать, что это человек, который занимается редактированием, но мы скажем синоним редактора, хорошо? И затем критика редакции — это тип библейского исследования, связанного с деятельностью редакторов или редакторов. Норман Перрин в своей небольшой брошюре «Что такое критика редакции?» на первой странице говорит, что она связана с изучением теологической мотивации автора, как она раскрывается в сборе, организации, редактировании и изменении традиционного материала и в составлении нового материала или создании новых форм в традициях раннего христианства. Я собираюсь дать вам очень краткий набросок истории критики редакции.

Это относительно недавнее развитие либеральной критики Нового Завета, для которого мы даем краткий обзор. Ранее мы говорили о синоптических проблемах и критике источников. Начиная со второго века, ведутся дебаты и дискуссии относительно сходств и различий между Евангелиями и того, как их объяснить.

К концу 19 века был достигнут своего рода консенсус, названный теорией двух документов, Q и Марк как источники Матфея и Луки. Этот тип работы называется литературной или источниковедческой критикой. Историческая достоверность Евангелий, которая обсуждалась параллельно с проблемой синоптиков, стала особенно остро обсуждаться с ростом теологического либерализма в 19 веке.

К концу того столетия, около 1900 года, большинство либералов считали, что Евангелие от Марка является наиболее достоверным, за исключением его чудес, которые в основном были историческими. Вильгельм Вреде в своей книге «Мессеанская тайна» (1901) утверждал, что Евангелие от Марка не является достоверной историей, но имеет теологическую мотивацию представить Иисуса как Мессию, хотя Иисус никогда не утверждал, что он таковой. Затем, сразу после Второй мировой войны в Германии, в исследованиях Нового Завета возникла критика.

Его пионерами были Карл Шмитт, Мартин Дебелиус и особенно Рудольф Бультман. Они приняли утверждение Вреде о том, что Марк создал свою собственную структуру, и попытались изучить период устной передачи за пределами Евангелий. Большинство критиков формы утверждали, что между жизнью Иисуса и написанием Евангелий было придумано много материала и многое было изменено.

Ну, это приводит нас к критике редакции. Критика редакции стремится завершить критический анализ Евангелий, заполняя области, упущенные критикой формы и критикой источника. Она изучает работу редакторов Евангелий, особенно их теологическую мотивацию, при составлении устных материалов для формирования письменных отчетов или при объединении и редактировании письменных материалов для формирования их Евангелий.

Итак, вот форма критики традиции. Критика источника здесь о Марке и Q и их связи с Матфеем и Лукой, а критика редакции рассматривает, что делает Марк, выбирая традиции и изменяя их, что делает Q, выбирая традиции и изменяя их, и особенно то, что делают Матфей и Лука, выбирая материал из Марка и Q. Критика редакции была предвосхищена в работах Вреде и Бультмана, но особенно в лекции Р. Х. Лайтфута в Бантоне 1934 года. Р. Х. Лайтфута следует отличать от Дж. Б. Лайтфута из 19 века.

Он был гораздо более консервативным человеком. Однако настоящий расцвет редакционной критики пришелся на Германию сразу после Второй мировой войны. Формальная критика возникла в Германии сразу после Первой мировой войны. Редакционная критика возникла в Германии сразу после Второй мировой войны.

Здесь рассматриваются работы Гюнтера Борнкамма и его работа над Евангелием от Матфея в 1948 году и последующие работы Ганса Концельмана над Евангелием от Луки в 1954 году и Вилли Маркссона над Евангелием от Марка в 1956 году. Совсем недавно редактирование и критика распространились на изучение Q и Иоанна. Работа Роберта Гандри «Матфей, комментарий к *Los Literi* и теологическому искусству» (1982) представляет собой распространение метода в евангельских кругах, за что Гандри фактически был исключен из Евангелического теологического общества.

Гандри считает, что Матфей выдумал некоторые инциденты в своем Евангелии, чтобы подчеркнуть теологические моменты, а именно визит волхвов и убийство младенцев. Гандри, возможно, самый радикальный евангелист здесь, но он, конечно, не одинок. Что ж, давайте немного подумаем о методологии критики редакции.

Как работает критика редакции? Следующие шаги дают набросок задействованных процедур. Критика редакции касается проверки работы редактора, как правило, одного редактора за раз. Итак, вы тщательно сравниваете все различия между данным евангелием и его параллелями.

Так, например, скажем, вы собираетесь посмотреть на редакционную работу Матфея, скажем, под которой вы подразумеваете автора Евангелия от Матфея, которого Гандри, я думаю, действительно считал Матфеем. Проверьте это. Запомните это сейчас.

Итак, вы сравните Матфея с Марком и Лукой и отметите, где в каждом из их рассказов встречаются различия. Во-вторых, попытайтесь обнаружить эти различия, которые являются результатом редакторской деятельности автора, которая изучается. Что из этого сделал Матфей? Итак, когда вы сравниваете рассказ Марка с рассказом Матфея, это то, что Матфей сделал с ним или нет? Что-то в этом роде.

Обычно вам приходится предполагать некий определенный порядок и взаимосвязь Евангелий. И почти неизменно это теория двух документов, которая среди настоящих исследователей Евангелия, в такого рода вопросах, безусловно, является мнением большинства, но это не мнение подавляющего большинства. Но когда вы доходите до критики редакций, это подавляющее большинство, которое следует этой конкретной модели.

Эта модель из двух документов утверждает, что Мэтью использовал Марка и Q. Во-вторых, вы предполагаете, что у автора нет других источников или, по крайней мере, что его собственный вклад можно различить по стилю. Затем вы сравниваете статистику по стилю, чтобы распознать вклад автора в областях, где он в противном случае был бы неопределенным. Итак, вы рассмотрели различия, и теперь вы пытаетесь различить, которые из них, скажем, в нашем конкретном примере, мы думаем о работе Мэтью и т. д.

В-третьих, вы изучаете эти детальные различия, чтобы определить теологическую мотивацию автора для введения этих различий. Как только вы выяснили, в чем они заключаются, вы находите тексты, которые выражают эти мотивы, а затем интерпретируете все Евангелие в терминах этих текстов и мотивов. В-четвертых, вы реконструируете мировоззрение автора, его обстоятельства, его группу и его аудиторию.

Это то, что немцы называют *Sitz und Leben*, жизненная ситуация автора и т. д. Марксон, работая с редакционной критикой Марка, типично видит три *Sitz und Leben*, или три жизненные ситуации, в данном евангельском отрывке. Во-первых, служение Иисуса.

Марксон и другие признали бы существование Иисуса и то, что он действительно что-то делал. Хорошо, так что некоторые из Sitz und Leben, один Sitz im Leben — это служение Иисуса. Но есть еще фон источников, и это были бы Марк и Q, или Прото Марк, или разные виды вещей такого рода.

Что такое их Sitz und Leben? А затем вы получаете редактора, предысторию автора Евангелия, Sitz und Leben этого человека. Так, для Марксона это будет Марк. Для Гандри это будет Матфей и т. д.

Ну, мы не будем подробно это рассматривать. Это всего лишь короткая презентация в конце курса, но некоторые результаты критики редакции. В либеральных кругах мы очень мало знаем о жизни Иисуса, но мы можем реконструировать множество различных теологических групп в раннем христианстве.

В консервативных кругах критика редакции гораздо более сдержана среди евангелистов, но с работой Гандри и других она начинает вводить идею о том, что не все повествования описывают события, которые действительно произошли. Матфей, по Гандри, становится своего рода мидрашем, термином, взятым из раввинской литературы, воображаемым пересказом или изобретением событий для выражения различных теологических положений. Ну, оценка критики редакции.

Я начинаю с нескольких благоприятных комментариев, потому что мы собираемся поговорить о некоторых серьезных проблемах далее. Прежде всего, благоприятных, евангелисты действительно отбирали события и материалы об Иисусе, которые они решили записать. Предположительно, они также сжимали этот материал.

Итак, Иоанна 20 и 31 и Иоанна 21:25 говорят нам, вы знаете, что существует много материала, и я выбрал это, чтобы помочь вам увидеть Иисуса Мессии и чтобы вы могли иметь жизнь во имя Его. А Лука 1-1 относится к составлению отчета. Во-вторых, любое подробное изучение Евангелия обязательно даст некоторые ценные идеи. Подход действительно изучает Евангелия очень подробно. В-

третьих, авторы Евангелий, по-видимому, подчеркивали различные черты служения Иисуса в своем выборе и представлении, как мы можем видеть, сравнивая их Евангелия. Матфей подчеркивает Иисуса как Царя Мессию, приходящего во исполнение пророчества Ветхого Завета, чтобы установить царство, установить царство небесное, и проводит эти параллели между Иисусом и Израилем, и сохраняет для нас эти существенные рассуждения Иисуса.

Марк подчеркивает действия Иисуса и краткие слова, чтобы ответить на вопрос, кто этот человек? Который, на самом деле, задают несколько разных людей в первой половине Евангелия, Марк. И его ответ: он Мессия, он Сын Божий. Лука делает акцент на историчности, как вы видите в его прологе, и на свидетельствах очевидцев об Иисусе, интересе к социальным отношениям язычников, женщин и бедных, и имеет эти иллюстративные притчи.

Иоанн подчеркивает значение Иисуса, как индивидуальное, так и космическое, и его личность, как это раскрывается в его словах и чудесах. У Иоанна больше символизма, больше аллегорического параллелизма, но все тот же Иисус. Эти акценты дают нам представление о теологических проблемах авторов.

Итак, эти благоприятные комментарии. Они действительно отобрали материалы, и любое детальное исследование даст некоторые ценные идеи. Авторы Евангелий, по-видимому, подчеркивали различные черты служения Иисуса и т. д., и эти акценты дают нам представление о теологических проблемах авторов Евангелий — некоторые серьезные проблемы.

Ну, некоторые результаты, которые получают критики форм, даже критики евангелической формы, такие как Гандри, вызывают тревогу. Прежде всего, мы получаем отвержение зафиксированных исторических деталей. Фреда сказала, что Иисус никогда не утверждал, что он Мессия.

Перрен, который является более строгим критиком редакции, говорит: « Как только мы мало узнаем об Иисусе, вот как выглядит его утверждение, что редакционная критика делает жизнь исследования Иисуса намного более трудной, конечно, сразу очевидно, с признанием того, что так много материала в Евангелиях должно быть приписано теологической мотивации евангелиста, или редактора традиции, или пророка или проповедника в ранней церкви, мы должны прийти к признанию того, что слова Р. Х. Лайтфута были полностью и абсолютно оправданы. Евангелия действительно дают нам только шепот голоса Иисуса. Это означает, на практике, что мы должны взять за отправную точку предположение, что Евангелия предлагают нам прямую информацию о теологии ранней церкви, а не об учении исторического Иисуса.

Все это на странице 69 книги «Что такое критика редакции». А затем, всего через несколько страниц, вывод: не основывайте на нем свою веру. Настоящая острота воздействия критики редакции заключается в том, что она поднимает очень серьезные вопросы, на самом деле, о том, что обычно мотивирует исследование жизни Иисуса, теологию жизни Иисуса.

Прежде всего, это поднимает вопрос о том, является ли взгляд на исторического Иисуса как на средоточие откровения и центральную заботу христианской веры

на самом деле оправданным. Страница 72. Это Норман Перрен, который был бы вполне традиционным либералом.

Гандри, Роберт Гандри, несколько радикальный евангелист. Визит волхвов и бегство в Египет никогда не случались — страницы 26, 32, 34, 35 его комментария.

Я зачитаю их. Матфей теперь превращает визит местных еврейских пастухов, Лука 2, 8-20, в поклонение языческих волхвов из чужих краев. Так же, как четыре женщины, помимо Марии в генеалогии, указывали на приход язычников в церковь, так и приход волхвов предвосхищает вхождение учеников из всех народов в круг тех, кто признает Иисуса Царем Иудейским и поклоняется ему как Богу.

Все это на странице 26. Затем, когда он переходит к главе 2, стиху 13, чтобы продолжить мотив бегства от преследований, Матфей меняет восхождение Святого Семейства в Иерусалим, Лука 2, 22, на бегство в Египет, страница 32, а затем переходит на страницы 34 и 35. 2, 16.

Матфей продолжает типологию Моисея, приводя эпизод, соответствующий убийству фараоном младенцев мужского пола израильтян во время рождения Моисея. Для этого он изменяет жертвенное убийство пары горлиц или двух молодых голубей, которое имело место при представлении младенца Иисуса в храме, Лука 2:24. Сравните Левит 12, 6–8, с убийством Иродом младенцев в Иерусалиме и Вифлееме.

Скорбь матерей младенца соответствует мечу, который должен был пронзить сердце Марии, согласно предсказанию Симеона при представлении в храм, Лука 1:35. Сравните Матфея 2:18. Массовые преступления Ирода позволили Матфею легко манипулировать доминиканской традицией таким образом, страницы 34, 35.

Вот это и есть отторжение зафиксированных исторических подробностей. Другая тревожная черта, которую мы видим, — это генерация гипотетических исторических подробностей. Вилли Марксон, в окружении Марка, описан Перрином на страницах 38 и 39.

Доводя таким образом критику редакции до самого крайнего предела, Марксон, возможно, указывает путь к еще будущему дню работы. Этот новый отход — его концепция, что теология Марка отражает ситуацию в Галилее в 66 году нашей эры, в начале иудейской войны против Рима. Марксон считает, что христианская община Иерусалима бежала из Иерусалима в Галилею в начале войны, что там они ждали парусии, которые, как они считали, были неизбежны.

Евангелие от Марка утверждает, что Марксон отражает эту ситуацию в своей теологии. Так, например, нынешнее окончание Евангелия в 16 году нашей эры является истинным окончанием. Марк не намеревался продолжать сообщать о явлениях воскресшего в Галилее.

Ссылки на Галилею в 14:25 и 16:7 вовсе не являются ссылками на воскресение, а на *parousia*. Марк ожидает, что это событие произойдет непосредственно в его дни. Мы не ставим перед собой цель защищать или спорить с Марксоном о правильности его взгляда относительно места и времени написания Евангелия от Марка.

Наша задача — указать, что здесь мы выходим за рамки критики редакции как таковой на еще более новую стадию, стадию, на которой мы работаем на основе теологического понимания, которое позволило нам определить историческую ситуацию, в которой возникло это понимание. Генерация гипотетических исторических деталей. Гандри на фоне стихов Евангелия от Матфея, страницы пять и шесть Гандри.

Отмечая акценты Матфея, мы можем сделать вывод о ситуации, в которой он писал, и целях, для которых он писал. Это также раскроет теологическую характеристику его Евангелия. Матфей проявляет большую обеспокоенность проблемой смешанной церкви.

Церковь разрослась благодаря притоку обращенных из всех народов, Матфея 28:18 по 20, но эти обращенные включают как ложных, так и истинных учеников, и он цитирует кучу отрывков и ссылается на кучу отрывков в разных главах там. Различие между ними становится очевидным через гонения на церковь. Матфея 5:10 по 12.

Это преследование не исходило от римского правительства, а было распространено в первую очередь среди иудейских лидеров в Иерусалиме. Матфей постоянно разоблачает и преувеличивает их вину — две цитаты в главах 27:28.

Истинные ученики страдают с терпением. Некоторым из них пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь. Ложные ученики, с другой стороны, публично отрекаются от Иисуса, чтобы избежать преследований.

Во главе лжеучеников стоят лжепророки, которые, по-видимому, являются оседлыми священнослужителями, т. е. церковными чиновниками, чье легкомысленное отношение и политика приспособления уберегли их от тягот странствующего служения. Эти лжепророки, по-видимому, пришли в церковь из фарисейской секты и книжных занятий. Ну, посмотрите на всю эту информацию о прошлом Матфея.

Откуда он это взял ? Предположив, что различные высказывания в устах Иисуса являются намеками на эти вещи. И третья тревожная черта — добавление жанра исторической фантастики к Писанию. Перрен говорит на странице 75, что евангельский знак — это прототип, которому следуют другие, и представляет собой смесь исторических воспоминаний, интерпретированной традиции и свободного творчества пророков и евангелистов.

Другими словами, это странная смесь истории, легенды и мифа. Именно этот факт редакционная критика делает безошибочно ясным. Гандри.

Гандри называет это Мидрашем или Агадой, но сравнивает с современными историческими романами, которые сочетают правду и вымысел. Страницы 630-632 в его комментарии. Ну, это примеры некоторых тревожных явлений, которые происходят.

Но за ними стоят некоторые подозрительные методы. Мы классифицируем их по разным заголовкам, которые мы назовем заблуждениями. Они не являются заблуждением в типичном логическом смысле.

Терминология моя собственная, но методологические проблемы также были отмечены многими другими, среди которых Масиас Льюис, профессиональный литературный критик, является ярким примером, и я буду цитировать его в ряде случаев. Я называю первое заблуждение в методологической критике редактирования заблуждением песчаного фундамента. Редакционная критика строит сложную методологию на сомнительных предположениях, которые следует тщательно пересматривать, когда они приводят к таким результатам.

Одно из этих предположений — документировать теорию Евангелий. Второе, по Гандри, — полная зависимость Матфея от Марка и Q. Итак, он предполагает, что у Матфея нет других источников, кроме Марка и Q, и поэтому ему приходится выводить визит волхвов из материала, который, как он думает, Лука сохранил от Q относительно пастухов и посещения храма и т. д. Вторая проблема — это то, что я называю ошибкой объяснения, и в этом случае мы предполагаем, что любое объяснение должно быть предпочтительнее невежества.

Это проблема как для критики редакции с либеральной стороны, так и иногда для гармонизации с консервативной стороны. Иногда мы просто не знаем ответа, поэтому мы можем сказать, ну, вот, знаете ли, проблемные отрывки, и мы думаем, что их можно гармонизировать таким образом или, возможно, таким образом или таким образом, но у нас нет машины времени. Мы не знаем наверняка.

Вы можете сказать, мне нравится этот вариант, но я там не был, понятно? Что ж, вы получаете тот же самый феномен, происходящий с критикой редакции, хотя они не всегда говорят вам, что там есть другие альтернативы. У Льюиса есть этот комментарий в его эссе о критике в книге об историях, страницы 132-133. Почти все критики, говорит он, склонны воображать, что они знают очень много граней многих фактов, относящихся к книге, которых на самом деле они не знают.

Автор, Льюис, был автором, ладно, и его книги рецензировались, неизбежно ощущает их невежество, потому что он, часто один, знает реальные факты. В последнее время был очень хороший пример этого в рецензиях на «Властелина колец» Толкиена. Большинство критиков предполагали, что это должна быть политическая аллегория, и многие думали, что главное кольцо должно быть атомной бомбой.

Любой, кто знал настоящую историю сочинения, знал, что это не только ошибочно, но и хронологически невозможно. То есть Толкин уже вышел на ринг до того, как гражданские узнали об атомной бомбе, да? Другие предполагали, что мифология его романа выросла из его детской истории «Хоббит». Теперь, конечно, никто не обвиняет критиков в том, что они не знают этих вещей.

Как они должны? Беда в том, что они не знают, что они не знают. Догадка приходит им в голову, и они записывают ее, даже не замечая, что это догадка. Здесь, конечно, предупреждение всем нам как критикам очень ясное и тревожное.

Критики Пирса Пахарь и Королевы Фей строят гигантские конструкции об истории этих композиций. Конечно, мы все должны признать, что такие конструкции являются предположительными, и как предположения, вы можете спросить, разве некоторые из них не вероятны? Возможно, так оно и есть, но опыт рецензирования снизил мою оценку их вероятности, потому что когда вы начинаете со знания фактов, вы обнаруживаете, что конструкции очень часто совершенно неверны. По-видимому, шансы на то, что они правы, невелики, даже когда они сделаны в соответствии с очень разумными принципами.

Поэтому я не могу не прийти к убеждению, что подобные догадки о мертвых кажутся правдоподобными только потому, что мертвых нет рядом, чтобы их опровергнуть. Пять минут разговора с настоящим Спенсером или настоящим Лэнглендом, как авторами *Fairy Queen* и *Piers Plowman*, могут разнести вдребезги всю трудоемкую ткань. Это страницы 132, 133.

Итак, лучше не знать ответа, и нет, мы не знаем, чем знать неправильный ответ. Третья проблема — это то, что я называю ошибкой диссертации. Индустрия PhD подстегивает эту проблему.

Потребность кандидатов на докторскую степень писать диссертацию о чем-то новом и академическом может привести к отказу от прямого объяснения ради сложного, отказу от записанной истории ради реконструированной истории, отказу от прямых доказательств ради косвенных доказательств. Результатом является новый вид аллегоризации. Вы помните замечание Перрена, вот замечание Перрена на странице 42.

Вопросы, ответы и учения находятся на устах Иисуса и Петра, но задействованные титулы взяты из христологического словаря ранней церкви. Хотя персонажи в перикопе носят имена и обозначения, полученные из обстоятельств служения, Иисуса, Петра и множества, они также в равной степени представляют обстоятельства ранней церкви. Иисус — Господь, обращающийся к церкви, Петр представляет ошибающихся верующих, которые исповедуют правильно, но продолжают неправильно толковать свое исповедание, а множество — это все церковное членство, для которого предназначено общее учение, которое следует далее.

Итак, мы подходим к крайне важному моменту, если говорить о редакционно-критическом взгляде на повествование. Оно имеет форму рассказа об историческом Иисусе и его учениках, но цель его в терминах воскресшего Господа и церкви. 42.

Обратите внимание на ответ Льюиса, который написал ту же статью о критике в своей книге об историях. Мне кажется, что чаще всего критик ошибается в поспешном предположении аллегорического смысла, и как рецензенты делают эту ошибку в отношении современных произведений, так, по моему мнению, исследователи часто делают ее в отношении старых. Я бы рекомендовал обоим и постарался бы соблюдать эти принципы в своей собственной критической практике.

Во-первых, ни одна история не может быть придумана умом человека, который не мог бы быть истолкован аллегорически умом другого человека. Стоическая интерпретация примитивных интерпретаций примитивной мифологии, христианские интерпретации Ветхого Завета и средневековые интерпретации классики — все это доказывает это. Поэтому также сам факт того, что вы можете аллегоризировать произведение, которое перед вами, сам по себе не является доказательством того, что это аллегория.

Мы не должны приступать к аллегоризации какой-либо работы, пока мы ясно не изложим причины, по которым ее вообще можно считать аллегорией. Это страницы 140, 141. Четвертая проблема, которую я вижу, это то, что я называю аргументом из заблуждения молчания.

Если конкретный инцидент или деталь появляется только в одном евангелии, автор, должно быть, выдумал их, а не имел дополнительной информации. Сравните это с замечанием Льюиса на странице 131. Отрицательные утверждения, конечно, особенно опасны для ленивого или измотанного рецензента, и здесь сразу же кроется урок для всех нас как критиков.

Один отрывок из всей «Королевы фей» оправдает вас, если вы скажете, что Спенсер иногда делает то-то и то-то. Только исчерпывающее чтение и безошибочная память оправдают утверждение, что он никогда так не делает. Это видят все.

Что легче всего ускользает от человека, так это скрытое отрицание в утверждениях, которые кажутся положительными. Например, в любом утверждении, содержащем предикат *new*, человек легкомысленно говорит, что что-то, что сделали Данн, Стерн или Хопкинс, было новым, тем самым обязывая себя к отрицанию, что никто этого раньше не делал. Но это находится за пределами его знания.

Строго говоря, это находится за пределами чьих-либо знаний. Опять же, то, что мы все склонны говорить о росте или развитии поэта, часто может подразумевать отрицательное, что он не написал ничего, кроме того, что дошло до нас, чего никто не знает. Если бы у нас было то, что сейчас выглядит как резкое изменение в его манере от стихотворения А к стихотворению Б, оно могло бы оказаться вовсе не резким.

Итак, тот факт, что данное евангелие, извините, данный автор евангелия не упоминает какую-то деталь, не является гарантией того, что он ее не знает. Пятая проблема — это то, что я называю психоаналитической ошибкой. Критик может вывести мотивацию автора из его письма.

Различия между Евангелиями скорее тенденциозны, чем случайны или являются вопросом акцента. Здесь Льюис делает хорошее замечание на странице 134. Другой тип критиков, которые рассуждают о происхождении вашей книги, — это психолог-любитель.

У него фрейдистская теория литературы, и он утверждает, что знает все о ваших запретах. Он знает, какие непризнанные желания вы удовлетворяете. И здесь, конечно, нельзя, в том же смысле, что и раньше, утверждать, что нужно начинать со знания всех фактов.

По определению, вы, автор, не осознаете тех вещей, которые он якобы открыл. Поэтому, чем громче вы их отрицаете, тем они должны быть правы. Хотя, как ни странно, если бы вы их признали, это также доказало бы его правоту.

И есть еще одна трудность. Здесь не так уж и свободен от предвзятости, поскольку эта процедура почти полностью ограничена враждебными рецензентами. И теперь, когда я начинаю думать об этом, я редко видел, чтобы это практиковалось по отношению к мертвому автору, за исключением ученого, который намеревался в какой-то мере развенчать его.

Несколько примеров. Льюис о происхождении своего романа «Параландра» , в рассказах Оуэна, стр. 144. Льюис беседует с некоторыми другими писателями своего времени.

Брайан Олдисс, я думаю, тот, кто здесь появляется. Льюис говорит, что отправной точкой второго романа, *Paralandra* , который входит в его научно-фантастическую трилогию, была моя мысленная картина плавучих островов. Все остальные мои труды, в некотором смысле, состояли в построении мира, в котором могли бы существовать плавучие острова.

И затем, конечно, история о предотвращенном падении развивалась. Это потому, что, знаете ли, когда ваши люди попадают в эту захватывающую страну, что-то должно произойти. Олдисс говорит, но я удивлен, что вы так это изложили.

Я бы подумал, что вы построили Параландру в дидактических целях. Льюис, да, все так думают. Они совершенно неправы.

Заблуждение интеллектуального снобизма. Мы все склонны завидовать тем, у кого больше престижа, чем у нас. Здесь, как правило, университетские либералы, и склонны смотреть свысока на тех, у кого меньше консерваторов.

Ну, вот мои шесть заблуждений, если хотите, проблемы с методологией редакционной критики. Выводы по редакционной критике. Комментарии выше не следует воспринимать как аргумент в пользу антиинтеллектуализма.

Скорее, это призыв к трезвой оценке собственных возможностей и страху перед Богом, который, согласно 1 Коринфянам 3:19, уловляет мудрых в их лукавстве. И против которого, согласно Притчам 21:30, нет ни мудрости, ни разума, ни совета. Ну, вот и все наше обсуждение критики редакции.

Теперь мы хотим, довольно кратко, собрать воедино некоторые выводы об истории Евангелия в целом по всему этому курсу. Мы рассмотрели несколько тем, имеющих отношение к вопросу исторической точности Евангелия, в частности, синоптических Евангелий. Мы рассмотрели современные взгляды на Иисуса, и мы увидели, что у людей есть самые разные взгляды на Иисуса.

Свидетели Иеговы говорят, что Иисус не Бог. Мормоны говорят, что Иисус был Богом, но вы тоже можете быть Богом. Старые либералы говорят, что Иисус был божественен, как и все люди, как мать Гарри Эмерсона Фосдика и т. д.

Все эти взгляды имеют лишь косвенные связи с Библией. Все они являются новыми формами идолопоклонства, которые могут быть удобными, но не могут помочь вам в затруднительном положении, поскольку боги, созданные для поддержки этих взглядов, на самом деле не существуют. Мы также рассмотрели различные исторические взгляды, из которых семинар Иисуса является нынешней модой.

Они утверждают, что используют исторические данные, но на самом деле они выбирают из них те моменты, которые им нравятся. Подводит нас к историческим данным об Иисусе. В вашем чтении я поручил своим студентам прочитать Грегори Бойда, «Циник-мудрец» или «Сын Божий» или Ли Стробеля, «Дело о Христе».

Вы могли заметить, что ранние языческие источники говорят нам довольно мало об Иисусе. Мы видим, что они признают историческими некоторые вещи, которые либералы не хотели бы признавать. Мессианские заявления, чудотворения и тому подобное.

Еврейские материалы отражают негативную реакцию против Христа, как и говорит Новый Завет. Новый Завет говорит, что еврейские противники Иисуса ответили так же, как и предсказывал Ветхий Завет. Они не смогли отрицать его существование и глубокое влияние и до сих пор не могут объяснить исполнение ветхозаветного пророчества в Иисусе.

Почему так мало об Иисусе и нехристианских источниках? Мы не знаем наверняка. Возможно, это похоже на ситуацию со СМИ сегодня. Мы часто видим, как СМИ избегают сообщений о вещах, которые им не нравятся, особенно когда трудно дать им негативный поворот.

Что касается новозаветного свидетельства об Иисусе, Павел пишет в середине 50-х, и его очень трудно обойти. Его свидетельство дает тонкие детали о Христе в местах в рамках общей картины, которая согласуется с евангельскими картинами. Это приводит нас к 3. Евангелия являются основными источниками Иисуса.

Евангелия содержат более 100 страниц подробностей об Иисусе. По размеру, возрасту и происхождению они являются нашими основными источниками для любого исторического исследования о нем. Внешние доказательства относительно их авторов довольно надежны, совпадая с именами, которые мы

находим в заголовках каждого, без каких-либо доказательств для каких-либо других предположений.

За исключением Иоанна, это не те имена, которые можно было бы выбрать, если бы имена придумывались. Внешние доказательства дат и порядка написания Евангелий должны быть отброшены либералами, чтобы сохранить теорию двух документов. Тем не менее, эта теория на самом деле не лучше объясняет внутренние доказательства, чем предложенное нами предположение, которое закрепляет содержание Евангелия в апостольском учении.

При почти 2000-летнем разрыве мы не можем ответить на все предполагаемые противоречия в евангельском материале, но мы можем сделать для них предложения, которые соответствуют исторической достоверности. Мы не должны позволять беспокойствам по таким вопросам приводить нас к принятию взглядов с гораздо большими проблемами, таким образом становясь похожими на тех, кто отцеживает комара и глотает верблюда. Эти вопросы не просто академические.

Они повлияли на всех либеральных пасторов, большинство крупных конфессий, светские СМИ и многих людей, которых вы попытаетесь привлечь ко Христу, особенно тех, кто получил университетское образование. Они заставили многих христиан, которые подверглись воздействию такого материала, жить в сомнениях относительно евангельских данных об Иисусе. Они заставили многих людей полностью отвергнуть христианство и использовать большинство религий в противовес христианству.

Мы должны давить на доказательства и призывать людей жить ответственно, жить ответственно в свете этого.

Ну, это синоптические Евангелия для этого курса. Спасибо за внимание.